

Дмитрий БЕЛОГОЛОВЦЕВ:

Хочется танцевать модерн

Известия — 2001 — 10 апреля — с. 9

На фоне мужского состава Большого театра сегодня не грех затеряться, однако одного из самых мужественных танцовщиков молодого поколения критики выделяют в премьерях последних лет в пятерку сильнейших. В программе фестиваля «Золотая маска» Дмитрий Белоголовцев исполняет «Послепуденный отдых фавна» Джерома Роббинса, а его единственный конкурент — Вячеслав Самодуров из Мариинки уже выступил в Москве в «Драгоценностях» Джорджа Баланчина.

— Вы сами ходили на «Драгоценности» Баланчина, когда Мариинская труппа привозила их в Большой?

— К сожалению, сейчас я не смог посмотреть балет, видел его год назад, когда его привозили в Москву. Меня все больше удивляет, что по каналу «Культура» постоянно показывают Мариинку, а наш Большой — почти нет. По-моему, наш театр работает лучше Мариинки. Правда, у них там много потрясающих девочек.

— Интересное наблюдение для танцовщика, которому важна партнерша и близко понятие дуэтного танца. Танцовщика, умеющего «подать» балерину, а не затмить ее собой.

— Это самый большой комплимент для меня. Ведь раньше Большой театр славился знаменитыми дуэтами, в которых были явные отношения мужчины и женщины. Никто не замечал, как Марис Липеа делал два тура, все видели образ. Григорович, к примеру, на репетициях «Лебединого озера» по привычке спрашивает: с кем вы танцуете? Он ведь человек того поколения, когда пары не раскидывались, как сейчас. Я говорю: с Аней Антоничевой — с ней мы вместе начинали, на конкурс в Джексон вместе ездили. Хотя я танцевал «Дон Кихота» с Марией Александровой, с Анастасией Яценко, с Марианной Рыжкиной. «Ромео и Джульетта» — с Галиной Степаненко, с Инной Петровой, с Надеждой Грачевой. Наверное, все идет на пользу, но так сложнее. Потрясающая пара, которую я знаю, — Агнес Летесью и Хосе Мартинес. Мы часто встречаемся на гала-концертах, они постоянно выступают вдвоем, дополняя друг друга.

— Чего вам самому не достает, на ваш взгляд?

— Пробиваемости, уверенности, нахальства — оно должно быть на сцене.

— А эксперименты в Большом допустимы?

— Мне кажется, чтобы идти вперед, нам нужно все новое, хотя репертуарный костяк в театре, конечно, должен быть. Что Баланчина сделали, очень хорошо. От «Дочери фараона» я не в восторге, но хорошо, что его поставили. Другое дело, что не хочется тратить время на спектакли, которые потом снимаются. Как с «Укрощением строптивой» Кранко: закончился контракт. Непонятно, что будет с «Русским Гамлетом» Эйфмана. Еще не хочется замыкаться на одном амплуа. Модерн хочется танцевать, Форсайта. Меня заинтересовал Хозе из «Кармен» Матса Эка, этот балет недавно показали в Большом. Интересно было наблюдать за самим Эком. Когда показывал он, то было видно, что артисты и десятой части нужного не делают.

— Насколько можно понять, вам важнее репетиционный процесс, а не результат, спектакль?

— Да, это точно. Не люблю, когда присутствуют на моих репетициях. Мне нужен непосредственный контакт с хореографом или с репетитором, знающим его хореографию. Поначалу я побаивался что-то предлагать Юрию Николаевичу Григоровичу на репетициях «Лебединого», а потом мы вместе находили какие-то нюансы, он придумывал для меня «мои» штрихи. А мое первое впечатление от «Агона» Баланчина, когда я посмотрел кассету, было шоковым. Какие-то маечки, трико, носочки. Когда же я

ИГОРЬ ЗАХАРКИН

пришел на репетицию и пообщался со Сюзен Фарелл, репетировавшей с нами «Агон», то захотелось попробовать. У меня так часто бывает: когда смотришь, не нравится, когда же сам начинаешь работать, затягивает.

— Дуэт из «Агона» и опять же девятиминутный дуэт «Фавна» — элитарные мужские партии. Кто ваш Фавн?

— Как объяснял постановщик, переносивший балет, ничего не надо изображать: обычный артист пришел в зал и увидел балерину. Он подчеркивал, что герои — девственники. Между ними возникает чувство, но они не понимают, что с ним делать. Это нелегко передать. Я видел, как в American Ballet Theatre чрезмерно экзальтированно танцуют «Фавна», и Виктор Кастелли считал, что так не нужно. Многие смотрят и говорят, что там нечего делать, что хореография скучная, а номер-то сложный. Мне показалось, что у нас все ждали эротической картины, хотя в «Фавне» эротика — минимум. Можно было бы сделать и более эмоционально, но тогда это были бы страсти Ромео. Просто работа еще немножко сыровата и, конечно, спектакль предназначен для маленькой сцены, где есть контакт со зрите-

лем. Не бывает плохих зрителей, это правда.

— В «Фавне» вы выходите со Светланой Лунькиной, но представляешь вашей Нимфой все же Анну Антоничеву.

— Света хорошо контактирует, у нее нет звездности, как многим кажется. С Аней мы должны были танцевать в Далласе «Аполлона» Баланчина. Я начал было репетировать с бывшим мужем Фарелл, у которого тоже есть права на балеты Баланчина, но у меня сорвалась поездка в связи с «Русским Гамлетом». А Аня танцевала Терпсихору. У меня еще осталась дома арфа Аполлона, никак не могу отправить ее в Америку. После работы над «Мощью» и «Агоном» со Сюзен Фарелл она приглашала меня выступить в Нью-Йорке на днях памяти Баланчина, где я должен был, кстати, танцевать «Фавна» Роббинса. Тогда еще не было речи, что он пойдет в Большой.

— И не отправляйте назад арфу, может быть, с ней в руках вы появитесь в «Аполлоне» в Большом.

— Надеюсь. Но больше всего хочется, чтобы ставили специально для театра новое, свое. Хотя по-прежнему мне особенно дорог «Спартак».

Варвара ВЯЗОВКИНА